

028

ПОЦЕЛУЙ

НИККИ ЛОГАН

Любовь до полуночи

HARLEQUIN®

KISS

Никки Логан

Любовь до полуночи

Серия «Поцелуй – Harlequin», книга 28

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9811496

Любовь до полуночи: ЗАО Издательство Центрполиграф; М.; 2014

ISBN 978-5-227-05045-8

Аннотация

У Одри Дивейни и Оливера Хармера есть замечательная традиция – каждый год под Рождество они встречаются в роскошном ресторане в Гонконге, чтобы поужинать и дружески поболтать. Один из таких вполне невинных ужинов изменит жизнь обоих – откроет неловкие тайны, вызовет давно забытые неприятные воспоминания, заставит разобраться в себе и в своих чувствах и поможет выяснить, кто же они друг другу: приятели, друзья или нечто большее.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	20
Глава 3	28
Глава 4	29
Глава 5	50
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Никки Логан

Любовь до полуночи

© 2013 by Nikki Logan

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

Глава 1

20 декабря, четыре года назад

Ресторан «Цинтин», Гонконг

Одри Дивейни откинулась на изогнутую спинку диванчика и принялась изучать изящные, выполненные в восточном стиле карты, которые держала в руках. Не самая лучшая комбинация, но, если играешь на конфеты «M&M's» и все время норовишь съесть свою ставку, трудно относиться к покеру серьезно.

Впрочем, ей очень нравилось делать вид, будто она знает, что делает. Как настоящий карточный ас из Лас-Вегаса. Она даже без труда могла представить себе, что удивительный вид на бухту Виктория открывался из гостиничного номера азартного игрока в казино, а не из окна изысканного ресторана, который был украшен китайскими фонариками и безделушками в насыщенных восточных тонах.

Легкая щетина на лице Оливера Хармера, сидящего напротив нее, казалась идеальной и на удивление постоянной; в уголке его ухмыляющегося рта торчала незажженная сига-

ра – скорее пожеванная, чем раскуренная, – из уважения к ней и другим посетителям ресторана. Это только казалось, что каждое Рождество он выкупал все заведение, на самом деле это было не так. Хотя приятно было представлять себе, что ресторан был целиком в их распоряжении.

– Еще раз спасибо за подарок, – пробормотала Одри, пропуская бахрому кобальтового шелкового шарфа между пальцев. – Потрясающая вещь.

– Не за что. Синий цвет тебе идет.

Одри изучала Оливера поверх своих карт, ее разбирало любопытство, но она не знала, как подвести разговор к интересующей ее теме. Может, просто спросить без обиняков?..

– Знаешь, ты слишком хорошо выглядишь для человека, у которого только что сорвалась свадьба.

«Хорошо» в смысле *сносно*, не в смысле *великолепно*. Хотя – впрочем, как и всегда – последнее определение тоже вполне подошло бы. Эти темные волосы, длинные ресницы и загорелая кожа...

Он лениво рассматривал карты в своей руке и затем бросил три из них лицом вниз на изысканный резной стол:

– Я легко отделался.

Одри замерла:

– В самом деле? В прошлое Рождество ты мне все уши прожужжал о том, что Тиффани, вероятно, твоя вторая половинка.

Не то чтобы Одри в самом деле поверила ему тогда, но

отношения, которые длились целый год, были самыми долгими в истории отношений Оливера. По крайней мере, на ее памяти.

Хотя, вероятно, она отрицала такую возможность в принципе.

– Выяснилось, что у Тиффани было несколько вторых половинок. – На долю секунды в его глазах промелькнула боль.

О нет.

– Кто отменил церемонию?

Быстрый уверенный ответ:

– Я.

Оливер Хармер был закоренелым холостяком. Но он был и самым завидным закоренелым холостяком Шанхая, поэтому Одри не могла представить себе, чтобы женщина, с которой он встречался, так легко и быстро отказалась от своего роскошного будущего.

Но она знала от Блейка, насколько серьезно Оливер относится к верности. Из-за своего отца-бабника.

– Мне очень жаль.

Он пожал плечами:

– Я застал ее с другим – глупо было надеяться, что она изменится ради меня.

Может, и глупо, но он по-человечески верил, что окажется настолько особенным и сможет изменить жизненные принципы своей подружки. А если на земле и был мужчина, ради которого стоило меняться... Одри бросила пару карт на стол,

и Оливер ловко смахнул щелчком две карты ей на замену с верхней части стопки, потом взял себе три.

– Что она сказала в свое оправдание? – пробормотала Одри.

– Я не видел никакого смысла в разбирательстве, – выдавил Оливер, не выпуская изо рта сигару. – Я просто порвал с ней.

Без объяснений?

– А что, если ты ошибся?

Взгляд, который он бросил ей, был способен уничтожить любого.

– Я проверил. Никакой ошибки.

«Проверка» в мире Оливера, вероятно, означала дорогостоящее наблюдение за человеком силами частных детективов. Так что он действительно не мог ошибаться.

– Где она сейчас?

Он пожал плечами:

– Полагаю, у нее все еще наш медовый месяц. Я дал ей открытую кредитную карточку и пожелал всего самого лучшего.

– Ты откупился от нее? – От изумления Одри открыла рот.

– Купил ее прощение.

– И это сработало?

Тиффани никогда подолгу не горевала.

Господи, у него был просто талант выискивать худших из женщин. Разумеется, всегда красивых и, хм, неугомонных,

но совершенно убогих в эмоциональном плане. До такой степени, что Одри решила: Оливер предпочитает именно таких. Но ее смутила неподдельная боль, проскользнувшая в его глазах...

Это не вышло с мужчиной, которого Одри – как она полагала – знала.

Какое-то время она изучала свои никчемные карты, а затем бросила их на стол, пасуя.

– Почему ты не можешь просто найти нормальную милую женщину? – спросила она в отчаянии. – Шанхай большой город.

Он сгреб к себе кучу ярких «M&M's» – правда, она успела стащить одну конфетку – и принялся перетасовывать колоду карт.

– Милые женщины, как правило, обходят меня за версту. Ума не приложу почему.

Одри фыркнула:

– Твоя репутация тут, разумеется, ни при чем.

Его карие глаза уставились на нее – от напряженного испытующего взгляда у нее перехватило дыхание.

– И что же это за репутация?

Ну... нет.

– Я не собираюсь тешить твое и так уже раздутое самолюбие, Оливер.

– Я думал, мы друзья! – запротестовал он.

– Ты дружил с моим мужем. Я просто его доверенное лицо

в Юго-Восточной Азии.

Он хмыкнул:

– Я полагаю, ты соглашаешься на нашу ритуальную рождественскую встречу только ради этой изысканной кухни?

– Вообще-то не только, еще из-за вина.

Он захватил пригоршню «M&M's» и бросил их через элегантный резной столик в нее, не обращая внимания на других посетителей ресторана, наслаждавшихся рождественским меню на высоте шестидесятого этажа гонконгского небоскреба.

Одри яростно принялась собирать конфеты с пола.

– Тьфу. Настоящий мультимиллионер. Бросаешь деньгами, словно это шоколадные конфеты.

– Раскрой свои карты, – проворчал он, но за этим определенно скрывалась улыбка. Как всегда. Их рождественские встречи вообще отличали юмор, фривольные разговоры и товарищеские доверительные отношения.

По крайней мере, на первый взгляд.

Но если копнуть глубже, то обнаруживалось много того, к чему она старалась не приглядываться. Признательность. Уважение. Колоссальное восхищение его жизнью и решениями, которые он принимал, и мужеством, с которым он это делал. Оливер Хармер был самым свободным человеком, которого она знала. И он жил той жизнью, о какой большинство людей только мечтают.

А еще глубже... Томящееся влечение. Но она уже при-

выкла к этому, потому что так было всегда. И потому что ей приходилось мучиться всего один раз в год.

Оливер был привлекательным мужчиной, очаровательным и приветливым, с ним было легко болтать, его было легко любить. Отлично сложенный, ухоженный, хорошо воспитанный, но без самодовольства или манерности. Он запросто мог в шутку бросить горсть конфет в дорогом ресторане.

Но он также был шафером на ее свадьбе.

И старинным другом Блейка.

И его постоянно преследовали женщины. Одри умерла бы на месте, если бы Оливер догадался, в каком направлении движутся ее мысли – не в последнюю очередь потому, что это еще больше раздуло бы его колоссальное самолюбие. Кроме того, она точно знала, что он сделает с этой информацией.

Ничего.

Просто ни черта.

Он заберет это откровение с собой в могилу, и она никогда не узнает, поступил ли он так из верности Блейку, из уважения к ней или потому, что нечто назревающее между ними было настолько немыслимым и даже аномальным, что об этом не стоило говорить.

И надо признать, это было вполне резонно.

Одри не была похожа на женщин, которых Оливер обычно выбирал. Лучше всего она выглядела в день собственной свадьбы, когда ее называли восхитительной – кстати, и Оливер тоже. Она не смотрелась так сногшибательно, как его

подружки в своих пышных нарядах, не вращалась в тех же кругах, не знала тех же людей и не смеялась чересчур громко над теми же историями. Она не была непривлекательной, или скучной, или недалекой – Одри была готова поспорить на целую упаковку «M&M's», лежащую перед ней, что даст фору любой из этих красоток в тесте на IQ, – но на нее не оборачивались, когда она появлялась в компании красивых людей. Ей просто не хватало той... звездной пыли, которая поблескивала на них.

Которой был покрыт Оливер.

И за все годы их знакомства она ни разу не видела его с кем-то менее красивым, чем он сам.

Очевидно, тут срабатывали какие-то научные принципы баланса.

А если даже законы природы исключают тебя...

– Ладно, Хладнокровный Люк, – сказала она, переключаясь на более безопасную тему. – Вернемся к игре.

Какой мерзавец.

Одри явно понятия не имела о последних похождениях Блейка. На ее лице отразилось подлинное сочувствие по поводу Тиффани, но ничего больше: он не заметил на ее лице ни малейшего намека на душевную боль, вызванную рассказом о чьей-то неверности. Ни бледности, ни слезинки из-за предательства близкого человека – в этих увлажнившихся огромных голубых глазах стояли лишь слезы старомодного

сострадания.

К нему.

А значит, либо Блейк солгал и Одри понятия не имела, что ее муж считает их брак открытым, или же она *действительно* знала и Блейк измучил ее до такой степени, что ей было уже все равно.

Последнее предположение было настолько ужасно, что просто не вязалось с равнодушной, одухотворенной женщиной, которая сидела напротив него.

Оливер посмотрел на нее поверх своих карт, делая вид, что пытается раскусить ее игру, но на самом деле пользуясь возможностью и выискивая хотя бы намек на правду на ее удлиннном лице. Одри вовсе не была скучной и безжизненной. Она наслаждалась игрой в карты, едой, беседой. Всегда. Он никогда не обольщался, что каждый год Одри спешила на встречу именно с ним, но она действительно любила этот декадентский праздник, который они устраивали себе двадцатого декабря на протяжении многих лет. Разумеется, за его счет, хотя Одри и Блейк были достаточно состоятельны и она могла позволить себе все это и сама, если бы захотела, — но она наслаждалась сдержанной роскошью ресторана, всего этого дня, принадлежащего только им.

Одри была единственной женщиной среди его знакомых, кто получал больше удовольствия, когда он *не* сорил деньгами направо и налево. Когда он был так же сдержан и полон достоинства, как она сама. Это ее вполне устраивало. Одри

была сама элегантность – темные волосы аккуратно собраны в узел на затылке и скреплены палочками, напоминающими бамбуковые копья. По тому, как она иногда касалась руками сшитой на заказ юбки, было видно, что ей нравились ощущения от прикосновения к ткани. Именно поэтому она надела ее – не для него и не для кого бы то ни было. И не потому, что юбка почти неприлично обтягивала интригующий изгиб ее бедер. Дорогая элегантность в одежде лишь отражала и подчеркивала внутреннюю сущность Одри.

Осознавала она это или нет.

Вот почему Оливер скептически относился к заверениям Блейка, что Одри спокойно воспринимала походы мужа налево. У них был далеко не самый обычный брак, но она никак не производила впечатление человека, который позволил бы партнеру обесценить их отношения неверностью. Поэтому распутство Блейка не могло не отразиться на ней.

А Одри Дивейни вовсе не была дешевкой.

– Оливер?

Он перевел взгляд и увидел, что она смотрит на него в упор.

– Извини. Поднимаю ставку.

Она улыбнулась его рассеянности, а затем вновь переключила внимание на свои карты, предоставив его взору длинные загнутые ресницы.

Знала ли она, что ее муж заводил интрижки, как только она уезжала из города? Беспокоило ли это ее? Или она специ-

ально выдумывала поездки, чтобы предоставить Блейку такую возможность, чтобы самой отстраниться от его неверности и сохранить удивительное достоинство, которое она носила как один из своих шелковых костюмов. Было не похоже, чтобы она сводила счеты с Блейком во время своих путешествий. А если и так, вряд ли бы Оливера посвятили в это – Одри осталась бы такой же сдержанной в этом вопросе, какой была и в других подробностях своей жизни, – просто ее деловая этика была такой же надежной, как и дружба. И, пользуясь ее непоколебимой лояльностью как друг, он знал, что если Одри была в Азии по делам, то она занималась исключительно делами.

В противном случае он тотчас бы раскусил ее. Когда дело доходило до Одри, его радар был способен уловить малейшее движение, малейший намек, перейди она на ту же волну, что и ее муж.

Потому что, появившись Одри Дивейни неожиданно на рынке, он выступил бы в качестве потенциального покупателя.

Независимо от цены. Независимо от условий. Независимо от того, как он всю жизнь относился к верности. У него было немало жарких бессонных ночей после пробуждения от одного и того же сна: он, пронизанный страстью и чувством вины, стоит рядом с Одри, которая, прижавшись лицом к холодному стеклу, смотрит из окна на бухту Виктория. Так что Оливер вполне осознавал, чего хочет его тело.

Он знал, что секс уравнивает всех и что превращение жен-

щины, которой он восхищался и которую так любил, в одну из своих дешевых фантазий было просто его подсознательным способом справиться с незнакомой ситуацией.

Ситуацией, когда он оказался заикленным на одной-единственной женщине, которая – и он это знал – была *действительно* слишком хороша для него.

– Ты выиграла. – Оливер бросил на стол тузы и валеты, просто чтобы увидеть румянец удовольствия, которое Одри не могла сдержать. Удовольствия, которое выходило за рамки ее обычного приличия. Она любила выигрывать. В частности, она любила обыгрывать его.

А он любил смотреть, как она этому радуется.

Одри с триумфом положила три драже на кучку «M&M's», ее идеально подкрашенное лицо практически светилось от удовольствия. У него в голове промелькнул вопрос: выглядела бы она так же, если бы он оттолкнул в сторону этот стол, навалился на нее и вжал в спинку дивана, уперев бедро между ее ног, прижался ртом к ее губам?

Его тело ликовало от этой мысли.

– Еще партию, – потребовал он, пытаясь выбросить из головы непристойности. – Иду ва-банк.

Она сняла туфли и вытянула стройные ноги на диване, пока Оливер тянул еще одну карту, и снова он был поражен тем, какой приземленной она была. И какой невинной. В выражении ее лица не было спокойствия и расслабленности женщины, которая знает, что ее муж в этот момент путается

с кем-то другим.

Тут не было никаких сомнений.

А это означало, что его лучший друг был не только прелюбодеем, но и лжецом. И дураком, изменяющим самой удивительной женщине, которую ему когда-либо довелось встретить. Понапрасну *растрачивающим* прекрасную душу, которую Блейку подарила судьба, много лет назад бросив Одри в его объятия, а не в объятия Оливера.

Пусть судьба казалась непонятной и туманной, но этот неуместный камень, отягощающий безымянный палец ее левой руки, был вполне реальным, и хотя ее муж спал со всеми подряд в Сиднее, Одри не следовала его примеру.

Потому что кольцо что-то значило для нее.

Так же как верность что-то значила для Оливера.

Возможно, именно это привлекало его. Одри была высоконравственным и отзывчивым человеком, и ее верность своим принципам была такой же незыблемой, как горы, которые вырастали из океана, образуя острова Гонконга, куда они оба летали на встречу друг с другом двадцатого декабря. Где-то на середине пути между Сиднеем и Шанхаем.

А Оливера чрезвычайно прельщала эта принципиальность, пусть даже он и проклинал ее. Интересно, влекло бы его к Одри так же, заводи она беспорядочные случайные связи, как ее эгоистичный муж? Или одержимость ею объяснялась невозможностью ее получить?

Вот это уже больше походило на Оливера.

Правда, то, что он был против измен, не значило автоматически, что он был двумя руками за обязательства. Вся эта история с Тиффани была своего рода его дисквалификацией. Оливер отчаялся найти женщину, которая – как он втайне надеялся – была предназначена именно для него, и остановился на той, которая позволила бы делать ему все, что он хотел и когда хотел, и хорошо бы при этом выглядела.

Но даже этому не суждено было случиться.

– Давай, Хармер. Будь мужчиной.

Он поднял глаза, на долю секунды испугавшись, что Одри прочитала его неприличные мысли.

– Это всего лишь одна партия, – поддразнивала она. – Я уверена, что в следующей ты меня обыграешь.

Вероятно, она была права. Он будет делать то же, что и каждое Рождество: развлекать и сердить ее, чтобы румянец удовольствия или негодования не сходил у нее с лица. Чтобы заставить ее возвращаться сюда за продолжением снова и снова. Возвращаться к нему. Во имя ее мужа-ублюдка, который навещал его только тогда, когда путешествовал один – хотя теперь этому наверняка будет положен конец, – и который при любой возможности ходил налево, как только Одри покидала страну.

Но Оливер будет хранить секрет Блейка так же, как подавил свою природную неприязнь к его неверности, чтобы продолжать традицию ежегодного рождественского обеда с женой своего лучшего друга.

Не только потому, что не хотел причинять боль нежной Одри.

И не потому, что хоть в малейшей степени мирился с поведением Блейка – он абсолютно его не оправдывал.

И не потому, что хотел выполнять роль некой исповедальни для человека, на свадьбе которого был шафером.

Разумеется, он сохранит в тайне секрет Блейка, потому что тогда Одри останется в его жизни. Если он расскажет то, что знает, она бросит Блейка, а если она оставит Блейка, то Оливер больше никогда ее не увидит. И только когда он понял, что ее дружба может ускользнуть от него, то осознал, как сильно он ценит эту женщину и нуждается в ее дружбе.

И в ней самой.

Поэтому – как и каждый год – он сосредоточился на Одри и наслаждался теми короткими часами, которые они могли провести вместе в этот единственный день в году. Он наслаждался беседой с ней и ее присутствием, отодвинув все остальное на второй план.

Впереди у него был целый год, чтобы разобраться с этим. И со своей совестью.

– Тебе сдавать.

Глава 2

20 декабря, три года назад

Ресторан «Цинтин», Гонконг

Заложив руки за спину, Одри прижалась запястьями к прохладной стене стеклянного лифта, отчаянно пытаюсь охладить пылающую кровь, пульсирующую по ее артериям. Чтобы подавить возбужденный румянец, который наверняка окрасил ее щеки, потому что она стояла так близко к Оливеру Хармеру в таком ограниченном пространстве.

Скажите, что двенадцати месяцев достаточно, чтобы закалить волю и подготовиться?

А она снова волнуется в ожидании обыкновенного прощального поцелуя. Который всегда был просто дружеским касанием и не более. Почти воздушный поцелуй. Тем не менее она все еще ощущала жжение от его губ у себя на щеке, как будто прошлогодний поцелуй случился несколько минут – а не целый год – назад.

Оливер посмотрел вниз и улыбнулся ей странной, испытующей улыбкой – в руках он держал наполовину разверну-

тую подарочную упаковку DVD. Одри осторожно улыбнулась ему в ответ, сделала глубокий вдох, а затем перефокусировала взгляд на огонек, спускающийся по кнопкам панели лифта, отсчитывая этажи.

Пятьдесят девятый, пятьдесят восьмой...

Она не всегда была так осторожна. Две недели назад Одри поймала себя на мысли, что ее интересовало мнение шафера о сегодняшнем платье, а не мужа. Но она нашла разумное объяснение, убедив себя, что вкус Оливера относительно женщин – и, косвенно, относительно их гардероба – далеко превосходил вкус Блейка, и поэтому было важно приложить усилия для человека, который каждый год приглашал ее в шикарный ресторан в Гонконге.

Блейк не заметил бы разницы, выйди она к столу хоть в мешке из-под картошки.

А раньше, девять лет назад, когда они все втроем встречались в ресторане, он замечал. Если Одри приходила в чем-то облегающем. Или просвечивающем. Или вызывающем. В то время Блейк заметно краснел от удовольствия, рассматривая ее наряды. А может, так только казалось на фоне безразличия, написанного на лице Оливера. Тот едва поднимал на нее глаза, пока она усаживалась за стол и скромно пряталась за меню.

Тем не менее, как это ни парадоксально, именно ему Одри должна была быть благодарна за эволюцию своего чувства стиля и вкуса, потому что его презрение служило лак-

мусовой бумажкой, если что-то было *слишком* облегающим, *слишком* просвечивающим. *Слишком* вызывающим.

Все можно было прочесть на его ничего не выражающем лице.

Люди платили большие деньги за такого рода советы в области моды. Оливер одаривал ее ими бесплатно.

В этом году она выбрала наиболее выигрышный наряд. Она взглянула на свое отражение в зеркальных стенах лифта и попыталась увидеть себя так, как видит ее Оливер. Стройной, профессиональной, ухоженной.

С дрожащими коленями от совершенно неуместного ожидания чего-то.

Сорок пятый, сорок четвертый...

– Во сколько твой рейс завтра утром? – Его низкий сексуальный голос загрохотал в небольшом пространстве кабины лифта.

Ее ответ скорее походил на выдох, чем на речь.

– В восемь.

Отлично. Переходим к светской беседе. Но так всегда заканчивались их встречи. Как будто у них иссякали другие темы для разговора. Что было вполне возможно, учитывая спектр вопросов, обсужденных ими во время обеда, плавно переходящего в ужин; и потому что она, как правило, была эмоционально и интеллектуально истощена после стольких часов с мужчиной, которого она жаждала видеть, но находиться рядом с которым стоило ей немалых усилий.

Всего один день.

В действительности двенадцать часов – это было все, что Одри нужно было выдержать каждый год. Все оставшееся время у нее не было никаких проблем с подавлением эмоций. Во время длительного полета домой она тщательно прятала все свои чувства обратно в тот плотно закрытый крышкой сосуд, где они постоянно хранились. Так что из самолета в Сиднее Одри выходила такой же сильной, какой и покидала Австралию.

Она звала Блейка с собой в этом году – в надежде, что присутствие мужа приструнит ее своенравные мысли, – но он не только отказался, но и, похоже, испугался этого предложения. Что было странно, потому что он сам любил поболтать с Оливером всегда, когда бывал в Азии. По крайней мере, так было раньше.

На самом деле его реакция была не менее странной, чем и неловкие попытки Оливера сменить тему каждый раз, когда она упоминала Блейка. Как будто он старался дистанцироваться от единственного человека, который их связывал.

Двадцать седьмой, двадцать шестой, двадцать пятый...

Одри не могла ничего поделать с фундаментальными принципами биологии. Единственное, что сейчас было важно, – это не выдать себя.

Под страхом смерти.

Сегодня вечером она блистательно справилась со своей физиологией. Так что ей нужно только продержаться эти

несколько последних минут, а потом она умчится в такси по улицам Гонконга к себе в отель. К своей прохладной пустой постели. Ее ждет бессонная ночь. И аэропорт рано утром.

В следующем году ей действительно стоит полететь обратно ночным рейсом.

Было невозможно понять, сжимался ли ее желудок из-за быстрого спуска лифта или потому, что она знала, что будет дальше. Элегантные двери, казалось, собирались с мыслями, прежде чем открыться.

Одри сделала то же самое.

Двери со свистом разъехались в стороны, и она последовала за Оливером через плюшевое фойе здания на улицу, потом надела улыбку и протянула ему руку, когда к ним подъехало такси.

– Может, передать что-нибудь Блейку?

У нее всегда было что-то заготовлено для этого последнего момента. Что остановит ее, если тело вдруг решит броситься к Оливеру и смутить их обоих. Неизменно что-то связанное с Блейком, потому что это была самая безопасная и надежная тема для них обоих. Блейк или работа. Не говоря уже о том, что упоминание ее мужа, как правило, несколько гасило гормональный всплеск, который они испытывали, стоя так близко друг к другу.

Его глубокие, болотного цвета глаза потемнели на несколько мгновений, он взял ее руку в свою большую ладонь:

– Нет. Спасибо.

Странно. У Блейка тоже не было никаких сообщений для Оливера. Что было впервые...

Но ее любопытство по поводу этой неумело скрытой вспышки гнева длилось лишь наносекунды, растопленное теплом, которое передавалось от его ладони ее руке. Оливер держал ее пальцы – никаких ласк, поглаживаний, ничего такого, что могло бы вызвать вопросы или недоумение у проходящих, – а потом притянул Одри к себе для их традиционного рождественского почти воздушного поцелуя.

Она с нетерпением ждала этого момента и в то же время ненавидела, потому что ей было этого недостаточно. Резкий, дорогой аромат его одеколона всколыхнул ее чувства, туго натянутые, как струны, когда он наклонился и дотронулся губами до ее щеки. Это прикосновение едва ли можно было назвать поцелуем. Но оно было в десять раз головокружительнее любого настоящего поцелуя, который она могла вспомнить.

– До следующего года, – продышал он ей в ухо, отстраняясь от нее.

– Передам.

«Передай привет Блейку». Как правило, эта фраза следовала за поцелуем, и Одри произнесла свой ответ, прежде чем ее затуманенный мозг с опозданием осознал, что Оливер даже не просил ее об этом. Опять же странно. Поэтому она пробормотала следующие слова, немного запинаясь. Опре-

деленно это была уже не уверенная, спокойная и собранная Одри, какой она обычно любила завершать свой визит.

– Ну тогда до свидания. Спасибо за обед.

Ох. Как неуклюже.

Назвать их ежегодный кулинарный марафон обедом было равноценно тому, как если бы она сказала, что Оливер вызывал у нее просто симпатию. Сейчас ее тело горело от всей неизрасходованной энергии за двенадцать часов в его компании, а голова кружилась от нехватки кислорода из-за поверхностного дыхания последние несколько минут. В смущении она быстро скользнула в ожидающее ее такси, прежде чем румянец волнения окрасил ее щеки.

Оливер стоял на дорожке, подняв руку на прощание. Одри прижалась затылком к подголовнику сиденья, и такси тронулось.

– Подождите! – Оливер распахнул дверцу такси. На одну сумасшедшую секунду ей показалось, что он притянул ее к себе. А она бросилась в его объятия.

Но он этого не сделал.

Конечно, он этого не сделал.

– Одри...

Она взглянула на него своим самым нейтральным вопросительным взглядом.

– Я просто... Я хотел сказать... Счастливого Рождества, Одри. Увидимся в следующем году.

От разочарования у нее перехватило дыхание, и она с тру-

дом прошептала в ответ:

– Счастливого Рождества, Оливер.

– Если я тебе когда-нибудь понадобится... Если что-нибудь понадобится... Звони мне. – Его карие глаза умоляли. – В любое время, днем или ночью. Не стесняйся.

– Хорошо, – пообещала она, хотя и не собиралась ловить его на слове. Оливер Хармер и реальный мир не пересекались. Они комфортно существовали в параллельных измерениях, и ее рейс в Гонконг и обратно был межпространственным средством сообщения. В этой реальности он был первым человеком – единственным человеком, – которому она позвонила бы, окажись в беде. Но там, дома...

Она знала, что дома ее жизнь была слишком скучной, чтобы ей могла понадобиться помощь Оливера. А если бы она и нуждалась в ней, то никогда бы не позволила себе набрать его номер.

Такси тронулось снова, и Одри попыталась успокоиться и вернуться в прежнее невозмутимое состояние.

Все позади.

Еще один год пережит. Она вытерпела еще одну встречу ради своего мужа и, хотелось бы надеяться, не уронив своего достоинства.

И всего лишь триста шестьдесят пять дней до новой встречи с Оливером Хармером.

Долгих невразумительных дней.

Глава 3

20 декабря, два года назад

Ресторан «Цинтин», Гонконг

Оливер уставился на полуночное звездное небо Гонконга за окном и изо всех сил старался игнорировать сотрудников ресторана, которые закрывали заведение на ночь и, казалось, просто не замечали его.

Единственное, что удерживало его терзающееся сердце в грудной клетке, были плотно скрещенные на груди руки, а красиво завернутый, но уже порядком измятый подарок, который он сжимал в кулаке, был единственным препятствием, которое не давало ему со всей силы ударить этим кулаком об стену.

Она не пришла.

Впервые за многие годы Одри не пришла...

Глава 4

20 декабря прошлого года

*Голубые креветки, икра,
устрицы «Роял Кабанон» и юдзу*

– Тебе повезло, что я вообще здесь.

Брошенный упрек отчетливо прозвучал на фоне приглушенных разговоров гостей ресторана «Цинтии» и звона дорогого серебра по не менее дорогому фарфору. Одри повернулась к Оливеру, на лице которого было написано нейтральное недовольство, расправила плечи в своем льняном пиджаке кремового цвета и пригладила руками юбку:

– Тем не менее ты здесь.

У Оливера вырвался гортанный ворчащий звук – оттуда, где предполагалось наличие делового галстука. Дресс-код и подобные условности не касались таких постоянных – или, возможно, таких богатых – посетителей, как он.

– Наверное, я медленно учусь, – сказал он подозрительно спокойным тоном. – Или просто наивный оптимист.

– Не такой уж наивный. Я ведь приехала.

– Не похоже, что ты особо рада этому.

– Твое электронное письмо не оставило мне другого выбора. Я не знала, насколько искусным ты стал в эмоциональном шантаже.

– Это был не шантаж, Одри. Я просто хотел знать, приедешь ли ты. Чтобы не тратить впустую еще один день и не лететь сюда из Шанхая.

– А использовать мертвого друга как предлог показалось тебе достойным?

Потому что это была единственная причина, почему она вообще прилетела сюда: отношения, которые связывали Оливера с ее недавно умершим мужем. И Одри изо всех сил пыталась избавиться от ощущения, что она должна была каким-то образом завершить эту дружбу.

Оливер слегка прищурил карие глаза, но не сказал никакой колкости в ответ. Вместо этого он пристально смотрел на нее, почти подначивая ее продолжать.

– Тут новый ковер, – бесцельно объявила Одри, отчаянно пытаясь противостоять его взгляду. Стилизованные яркие стрекозы оживляли пол, где раньше красовались таинственные восточные узоры. Она погрузила заостренный мысок своей туфли в плюшевую роскошь и наблюдала, как он исчезает в ворсе ковра ручной работы, сотканного в провинции Шаньдун. – Симпатичный.

– Жерар получил еще одну звезду ресторанного рейтинга «Мишлен». – Оливер пожал плечами. – Новый ковер пока-

зался подходящим способом отметить это.

– Миссис Одри...

Одри подавила желание исправить это обращение к себе, повернулась и обхватила обеими ладонями протянутую руку метрдотеля:

– Мин-Гуа, как приятно видеть вас снова.

– Вы прекрасно выглядите, – сказал Мин-Гуа, поднося ее руку к своим губам. – Нам не хватало вас в прошлое Рождество.

Оливер искоса поглядывал на нее, пока они шли к своему постоянному столику. В том конце ресторана, где рождественских украшений – вернее, их китайских версий – было заметно больше. Размер счета, который они получали в конце этого дня, был достаточно внушительным, чтобы оправдать дополнительный праздничный шик и гирлянды и осторожное перемещение нескольких соседних столов в другие залы, однако в этом году казалось, что в жертву было принесено гораздо больше столов, чем когда-либо. Это сулило им полное уединение в западной части ресторана между огромным террариумом, в котором было полно специально увлажненных растений и светящихся стрекоз, и гигантским окном – от ковра до потолка, – которое служило наружной стеной ресторана.

Охлажденное шампанское «Кристалль» располагалось, как всегда, в центре столика между двумя большими диванами с изогнутыми спинками. Единственная мебель, которая

действительно была достойна стоять в лаунж-зоне. Конечно, ближе к ночи они развалятся – каждый на своей стороне, – насытив желудки изысканными блюдами и напитками, умы – хорошей беседой, обсудив все, что случилось за год.

По крайней мере, так это обычно происходило.

Но теперь все было уже по-другому.

Внезапно это уединенное пространство, по которому она так тосковала, начало вызывать у нее клаустрофобию, а охлажденное шампанское «Кристалль» напоминало дешевую сцену обольщения. Да и сама мысль, что она могла бы заняться чем угодно, вместо того чтобы нервничать и ерзать на краю своего диванчика ближайшие десять – двенадцать часов...

Как нелепо.

– Так за чем же ты охотишься в этот раз? – спросил Оливер, плюхаясь на свой диванчик и подхватывая бокал, на четверть наполненный шампанским. Настолько непринужденно, что Одри задалась вопросом, не практиковал ли он этот маневр. Когда он откинулся на спинку, белая рубашка натянулась на его торсе и темные брюки немного задрались, обнажив загорелые лодыжки. – Страдивари? Гварнери?

– Скрипка Тесторе 1714 года, – пробормотала Одри. – В настоящий момент она должна находиться в Юго-Восточной Азии.

– В настоящий момент?

– Она часто меняет владельцев.

– А они знают, что ты ищешь ее?

– Полагаю, что да. Отсюда и накрученные ею воздушные мили.

– Какие глупцы. Разве они не в курсе, что ты всегда доби- ваешься своего мужчины... или инструмента?

– Я сомневаюсь, что они вообще меня знают. Ты забыва- ешь, моя работа основывается на анонимности.

– Анонимность. – Оливер фыркнул, срезая кончик с од- ной из сорокадолларовых сигар, лежащих на подносе рядом с шампанским. – Я готов держать пари, что специалист со степенью магистра по антикварным струнным инструмен- там представляет собой гораздо больший интерес для пло- хих парней, чем для кучи головорезов из Интерпола с твоей фотографией и навигатором GPS в потных ладонях.

– В тот день, когда моя кредитная карта будет заблоки- рована без объяснения причины, я начну верить тебе. А по- ка... – Одри подлила себе шампанского. – Хватит о моей ра- боте. Как у тебя дела? Все еще богат?

– До омерзения.

– По-прежнему раздражаешь своих конкурентов?

– Довожу до белого каления.

Несмотря ни на что, трудно было проигнорировать это неподдельное ликование: выводить из себя соперников до- ставляло Оливеру искреннее удовольствие. Он спускал немало денег на то, чтобы донимать их. Хотя это была совсем не пустая трата, если это отвлекало внимание конкурентов от того, чем он *действительно* занимался. Одри сдержанно

улыбнулась.

– Я не знал, увижу ли это сегодня. – На долю секунды его глаза метнулись к ее губам. – Мне этого не хватало.

Этого было достаточно, чтобы стереть улыбку с ее лица.

– Да, после похорон Блейка вообще было не до веселья.

Оливер вздрогнул, но поспешил спрятать свои эмоции за большим глотком шампанского.

– Не сомневаюсь.

Хм... Странно...

– Так как ты поживаешь? – Он попробовал снова.

Она пожала плечами:

– Хорошо.

– А если честно?

– Волокита с налогами была настоящим кошмаром, кроме того, дом был куплен в кредит под залог бизнеса, так что распутывать все это было не так весело, но у меня получилось.

Он моргнул:

– А в личном отношении?

– В личном отношении у меня умер муж. Что ты хочешь от меня услышать?

Он нахмурился.

– Ты... справляешься?

– Ты спрашиваешь меня о финансах?

– Вообще-то нет. Я спрашиваю, как у тебя дела. У тебя, Одри.

– И я сказала, что *хорошо*.

Рука с бокалом, наполовину наполненным шампанским, взлетела вверх.

– Ладно. Сменим тему.

И что же это будет? Единственная причина для продолжения их встреч была навсегда обращена в пепел в крематории. Не похоже, чтобы Оливер это помнил.

«Почему тебя не было на похоронах твоего лучшего друга?» Как насчет такой темы? Но она не собиралась принимать этот вызов.

Одри поднялась:

– Может, это была не самая удачная...

– Вот и мы! – Мин-Гуа появился в сопровождении двух официантов, несущих первые закуски для рождественской дегустации с морской тематикой. – Голубые креветки «Обсиблю», икра, устрицы «Роял Кабанон» и юдзу.

Одри поняла только слова «креветки», «икра», «устрицы» и не более.

Она вежливо опустилась обратно на свой диванчик. Высококвалифицированному персоналу потребовалось несколько секунд, чтобы разместить первое блюдо на столе, а затем они снова остались одни.

Оливер проигнорировал еду и пододвинул к ней небольшой сверток в оберточной бумаге.

Одри посмотрела на сделанную на скорую руку слегка помятую подарочную упаковку.

– Хм...

– Я ничего не жду взамен, Одри.

Он что, всех видел насквозь?

– Я не предполагала, что мы будем делать друг другу подарки в этом году.

– Это с прошлого года.

Она помедлила еще одно мгновение, затем пододвинула сверток к себе, но не открыла его. Вместо этого она отложила подарок в сторону, натянуто улыбаясь.

Оливер пронзил ее своим пристальным взглядом:

– Мы с тобой давние друзья, Одри. Мы встречались каждое Рождество на протяжении многих лет. Ты хочешь сказать, что приезжала сюда только из-за Блейка? – В его ореховых глазах мелькнула боль.

– Странно продолжать это сейчас, когда его больше нет.

Одри не хотела говорить *неправильно*. Но ее никогда не оставляло смутное чувство, что это было именно так.

– Сейчас все по-другому. Но нашей дружбе не нужно меняться. Наши встречи с тобой никогда не были простой вежливостью по отношению к жене приятеля. Насколько я могу судить, мы тоже друзья.

Пф-ф-ф. Бессмысленные слова.

– Мне не хватало тебя на похоронах *твоего приятеля*.

Внезапно у него на щеках выступил густой румянец.

– Мне очень жаль, что я не смог приехать.

Ага, конечно.

– Полагаю, из-за экономического спада полет оказался тебе не по карману. – Они потратят в четыре раза больше на все сегодняшние блюда. Но одной из сильных сторон Оливера всегда было мужество, которое он проявлял, становясь мишенью для нападок. Он сжал губы и промолчал. – Или просто очень напряженная неделя в офисе?

– Одри... – Он практически прошипел ее имя.

– Оливер?

– Ты же знаешь, я бы обязательно прилетел, если бы мог. Ты получила цветы, которые я послал?

– Полбутика цветов? Да. Они стояли в каждом уголке часовни. И они были прекрасны. – Она вынуждена была признать это. – Но это были лишь цветы.

– Послушай. Одри, я вижу, что ты расстроена. Могу я попросить тебя просто поверить, что у меня были свои причины, веские причины, чтобы не лететь в Сидней, и что дома в Шанхае я устроил собственные поминки по своему старому другу. – Одри заметила, как он сделал акцент на слове «старый», – вместе с бутылкой чиваса. Так что у Блейка было двое похорон в тот день.

Она не должна до сих пор так живо помнить, как вытягивала шею из автомобиля, пытаясь разглядеть Оливера в похоронной процессии. Или как она практически не слушала и не воспринимала соболезнования сочувствующих, пожимавших ее руку после службы, потому что удивлялась, как ей его не хватало. И только позже, когда она подписывала

благодарственные открытки для всех собравшихся на похороны, Одри наконец смирилась с реальностью.

Оливер не пришел.

Лучший друг Блейка – их шафер – не пришел на его похороны.

Это была очень горькая правда, но Одри была слишком подавлена своим вдовством, чтобы любопытствовать, почему это причиняло ей такую боль. Или чтобы представить, что Оливер нашел свой способ проститься со старым товарищем. Например, влив в себя полбутылки элитного шотландского виски.

– Он всегда любил дорогие марки, – признала она.

Наверное, даже слишком, потому что именно любовь Блейка к крепким напиткам была признана основной причиной автомобильной аварии, которая стоила ему жизни. Но с тех пор как ее муж начал проводить больше времени в своем кабинете, потягивая виски за прочтением вечерних газет, а у Одри появилось больше свободы для любимых занятий, она действительно не могла жаловаться.

Естественная пауза в неудобной беседе стала для них обоим знаком, что стоит поесть, а порции закусок с морепродуктами были такими маленькими, что все было съедено за считанные минуты.

Нежный гул стрекоз, бьющих крылышками по стеклу позади Одри, обратил на себя ее внимание. Она повернулась, чтобы изучить коллекцию, давшую название этому рестора-

ну. В Гонконге существовало более ста видов этих насекомых – ярких и светящихся, больших и маленьких, – и «Цинтин» бережно сохранял это безупречное и потрясающее сообщество в специальном террариуме.

Она осторожно сделала несколько глубоких вдохов, чтобы взять свои своенравные эмоции под контроль.

– Каждый раз я забываю, насколько это потрясающе.

И каждый год она завидовала насекомым и жалела их в равной степени. Их жизнь в плену казалась роскошью, все их мыслимые потребности были удовлетворены. Их жизнь была длиннее и легче, чем у диких собратьев, их водно-болотные угодья не пересыхали, а источник пищи никогда не иссякал. Тем не менее стеклянные границы их мирка были незыблемы. Прибывавшие к ним новички еще какое-то время робко бились о стекло, пока в конце концов не прекращали эти попытки, смирившись со своей роскошной судьбой.

В конечном счете разве не все так поступали?

– Только дай шанс хранителю стрекоз, и он прожужжит тебе все уши о последних разработках и новинках в условиях содержания беспозвоночных.

Его тон заставил Одри отвести взгляд от террариума и повернуться обратно к столу.

– Я думала, ты прилетел только на один день. Когда ты успел встретиться с хранителем стрекоз «Цинтина»?

– В прошлое Рождество. У меня неожиданно появилось свободное время.

Потому что она не пришла.

Стыд снова накрыл ее.

— Это было... слишком рано. Я не могла уехать из Австралии. И Блейка не стало.

Он уставился на нее. Созерцая.

— В какое из этих объяснений ты хочешь чтобы я поверил?

Одри вспыхнула:

— Все это чистая правда. — Его молчание только подчеркнуло ее ложь. Она сделала глубокий вдох. — Я сожалею, что не пришла в прошлом году, Оливер. Если бы у меня было больше мужества...

— Мужества?

— Сказать тебе, что это наша последняя встреча.

Он откинулся на диван:

— И сегодня ты пришла, чтобы сказать это?

Да. Хотя произнести это вслух показалось ей вдруг невозможным. Поэтому Одри только кивнула.

— Ты могла бы сделать это по телефону. Так было бы дешевле для тебя. Но я хочу знать, почему ты не приедешь в будущем.

Внутри у нее все сжалось.

— Я не могу продолжать бесконечно и необоснованно летать сюда, Оливер. Разве мы не можем просто сказать «Это было здорово, проехали»?

Несколько мгновений он обрабатывал сказанное ею.

— Ты со всеми друзьями устраиваешь прощальные свида-

ния?

– Так, значит, вот кто мы? Друзья? – прошептала она.

– Разве нет? – Его глаза сузились. – У меня никогда не возникало ощущения, что ты была здесь против воли. И казалось, что ты с удовольствием помогала мне тратить деньги.

– Оливер...

– Что происходит на самом деле, Одри? В чем проблема?

– Блейка больше нет, – выдохнула она. – Если я продолжу прилетать и встречаться с тобой... Для чего?

– Чтобы поболтать, рассказать, что произошло у каждого в жизни. Чтобы увидеть друг друга.

– Зачем нам это делать?

– Потому что друзья поддерживают отношения.

– Наши отношения построены на ком-то, кого больше нет.

Он моргнул два раза, и его прекрасные губы открылись.

– Возможно, это началось именно так, но сейчас уже все по-другому. – Правда, в его взгляде промелькнуло сомнение. – Если помнишь, я познакомился с тобой за шесть минут до Блейка. Это означает, что формально наша дружба предваряет твои отношения с Блейком.

Это были мучительные шесть минут, которые ей пришлось пережить рядом с самым сексуальным мужчиной, которого она когда-либо встречала, пока его намного более заурядный друг не появился в сиднейском баре – Блейк со своими узкими плечами, безобидной улыбкой и неувлекательными историями. Но она практически задушила его своим

вниманием, пытаясь вырваться из-под микроскопа Оливера, от которого у нее по коже бегали мурашки.

Она знала, когда замахивалась выше своих возможностей, и тридцать секунд в компании Оливера Хармера подсказали ей, что тот был в высшей лиге. Чрезвычайно привлекательный, чрезвычайно умный и чрезвычайно скучавший, если он стал развлекаться, заигрывая с нею.

– Это не в счет. Ты болтал со мной, чтобы скоротать время, пока не появится Блейк.

Он что-то взвешивал.

– А что, если я заложил фундамент будущих отношений?

– С Блейком?

Его громкое фырканье привлекло несколько взглядов гостей, сидящих в другом конце зала.

– Со мной. Блейк всегда самостоятельно справлялся со своими грязными делишками... – Оливер тут же осекся, словно вспомнив, что они говорят о покойнике. – Во всяком случае, как только он вошел в комнату, ты сразу была им очарована. Я понял, что меня обошли.

Что бы сказал Оливер, если бы знал, что она уцепилась за разговор с Блейком специально, чтобы избежать общения с его более красивым другом? Или если бы она призналась, что фиксировала каждое движение Оливера до момента, когда наконец оставила Блейку свой номер телефона и с облегчением ускользнула в австралийскую ночь.

Он, вероятно, посмеялся бы над ней.

– Я уверена, что это не имело необратимых негативных последствий для твоей самооценки, – едко заметила она.

– Мне пришлось терпеть его злорадство в течение недели. Не каждый день ему удавалось увести у меня из-под носа женщину, которую я... – Он осекся.

– Женщину, которую ты что?..

– Вообще любую женщину на самом деле. Ты была первой.

Одри покачала головой:

– Это просто невыносимо. *Вот почему я оставила свой номер телефона ему, а не тебе.*

Да. И еще потому, что всегда была трусихой.

Оливер откинулся на спинку дивана:

– Представь себе, как по-другому все сложилось бы, пред- почти ты меня ему.

– О, умоляю тебя. Я бы наскучила тебе через несколько часов.

– Кто это сказал?

– Для тебя это просто спорт, Оливер.

– Опять. Кто это сказал?

– Это говорит твой послужной список. И Блейк.

Говорил.

Он подался вперед:

– Что он говорил?

Достаточно, чтобы она задавалась вопросом, не пошло ли что-то не так между двумя друзьями. Одри пожала плечами:

– Он переживал за тебя. Хотел, чтобы у тебя было то же, что и у него.

Коричневые крапинки на зеленой радужной оболочке его глаз, казалось, пришли в движение.

– А что у него было?

– Стабильные отношения. Постоянство. Семья.

Интересно, он заметил, что она не сказала «любовь»?

– Услышать такое из его уст особенно ценно.

– Что ты имеешь в виду?

Его язвительное выражение лица сменилось наигранно скучающей гримасой.

– Не важно, что я имею в виду. Давняя история. Я не осознавал, что старина Блейк был такой страстной натурой.

– Прости, что?

– Такой собственнический инстинкт. У меня сложилось впечатление, что ваш брак был таким же соглашением сторон, как и все остальное.

Одри бросило в жар. «Что, Оливер, не представляешь себе, что я могу вызывать страсть в мужчине?»

– Ты не видел нас вместе много лет, – процедила она сквозь зубы.

Зачем он это сказал?

– Мой бизнес зависит от умения видеть людей насквозь и понимать их, Одри. В те годы до вашей свадьбы я много общался с вами. Прежде чем переехать в Шанхай. Трое амигос, помнишь? Достаточно долго, чтобы сформировать свое

мнение.

Помнит ли она?..

Она помнила неторопливые обеды, блестящие беседы на троих. Она помнила, как однажды Оливер встал между ней и какими-то пьяными идиотами на улице, в то время как Блейк прикрывал ее с *безопасной* стороны. Она помнила, как у нее перехватило дыхание, когда Оливер вышел к ним из сумеречной тени, и какой опустошенной она почувствовала себя, когда он ушел.

Конечно. Она помнила.

– Тогда ты должен помнить, как часто Блейк проявлял свою страсть и чувства на публике. – Оливеру нередко бывало неловко за них, и он смотрел в сторону, чувствуя себя пятым колесом, каковым и был. Трудно представить себе, чтобы этого уверенного в себе мужчину можно было смутить. – Разве этого недостаточно?

– Это была вполне убедительная демонстрация чувств. Но у меня всегда было ощущение, что Блейк специально приберегал такие проявления любви для моментов, когда вы оказывались *на публике*.

Горькое чувство обиды охватило Одри. Потому что, по сути, это была правда. За закрытыми дверями они жили скорее как брат с сестрой. Чего Оливер, вероятно, не знал, так это того, что Блейк бурно проявлял свои чувства к ней в основном и особенно в присутствии Оливера. Метил собственные владения как сумасшедший. Как будто подсознательно чув-

ствовал ее интерес к своему другу, который она так старательно пыталась скрыть.

Одри с трудом вдохнула:

– Оливер, неужели ты хочешь сегодня этим заниматься? Осуждать покойника?

Он гневно нахмурил брови:

– Я хочу просто наслаждаться. Наслаждаться твоей компанией. Как раньше. – Он снова пододвинул к ней подарок. – И на этой ноте открой его.

Одно мгновение она сидела неподвижно, но стальная решимость в его взгляде говорила ей, что это абсолютно бессмысленно. Он был готов сам вскрыть для нее упаковку.

Она разорвала бумагу с большим раздражением, надеясь, что он истолковал это как нетерпение.

– Это сигара. И колода карт, и упаковка «M&M's». Как три года назад. – Она подняла на него глаза и выдержала его пристальный взгляд. – Я не курю.

– Меня это никогда не останавливало.

Одри изо всех сил пыталась прогнать теплое воспоминание о том, как Оливер позволял ей выигрывать у него в карты, полагая, что она ничего не замечала.

Она откинулась назад:

– Что ты делаешь на Рождество?

– Работаю, как правило.

– Домой не летаешь?

– Летаю ли я домой к отцу? Нет.

– А как насчет мамы?

– Она прилетает ко мне на китайский Новый год.

Одри уставилась на него.

– Ты осуждаешь меня, – пробормотал он.

– Нет. Пытаюсь представить себе это.

– Подумай сама. Я не могу вернуться в Сидней, я не могу пойти на Рождество к подружке – от меня сразу ждут кольца и предложения руки и сердца, а в офисе хорошо и тихо.

– Значит, ты работаешь.

– Просто еще один день. А что ты делаешь?

– Праздную Рождество. – Она пожала плечами.

Но это никогда не было так захватывающе, как встреча с Оливером. Или так вкусно, как праздничные угощения, которые для нее готовили в «Цинтине». И воспоминания не согревали ее душу весь оставшийся год. Это были незатейливые ужины, и гоголь-моголь, и семья, и никому не нужные подарки, и из года в год одни и те же объяснения, почему Блейк не пришел.

Ее взгляд снова упал на его подарок. Она взяла сигару и зажала ее между зубами, подражая ему, а спустя две секунды выплюнула:

– Тьфу. Это ужасно.

Он тепло рассмеялся:

– Ты привыкнешь к этому.

– Не могу себе представить как.

Хотя сигара оставила ужасный вкус на ее губах, она пой-

мала себя на мысли, что, возможно, на его губах этот вкус гораздо лучше. А потом ей пришлось бороться с собой, чтобы не смотреть на его рот. Оливер намного усложнил эту задачу – подавшись вперед, он поднял сигару, провел ею над верхней губой, а затем просунул запечатанный конец между зубами.

Что-то в непринужденной интимности этого акта, в том, что он так легко положил себе в рот сигару, на которой осталась ее слюна, – как будто они были старой супружеской парой, – заставило ее сердце биться сильнее, но она изо всех сил контролировала каждую клеточку своего организма, чтобы скрыть это, когда он перекатил сигару одними губами справа налево.

Не самый худший вариант закончить свои дни, если ты сигара.

Смон!

Несмотря на легкую улыбку, его взгляд стал неестественно напряженным. И Одри необъяснимо занервничала.

– Итак, – начал он, словно это была одна из партий в покер, – если мы не друзья, тогда кто мы?

Она слегка поперхнулась своим шампанским:

– Прости?

– Я принимаю твое утверждение, что мы не друзья. Но тогда мне интересно, кто мы друг другу.

Одри почувствовала себя трусливым зайцем в свете автомобильных фар. Она знала, что это недостойно, и точно

представляла, как чувствует себя зверек, наблюдая за неизбежным приближением своей судьбы.

– Все это время два обстоятельства определяли для меня наши отношения... – Он произнес слово «определяли», как будто оно означало «ограничивали». – Одно из них то, что ты была женой моего друга. Теперь – в результате трагедии – этого обстоятельства уже не существует. А другое – наша дружба. Видимо, ее тоже больше нет. Так вот скажи мне, Одри... – он наклонился вперед, поболтал содержимое своего бокала и пристально посмотрел ей в глаза, – на какой именно стадии мы сейчас находимся?

Глава 5

Омар, кальмары, морская капуста и тушеные анчоусы

Внутри у Одри все сжалось от напряжения. Она должна была это предвидеть. Он не зря был мультимиллионером – больше всего в Оливере она ценила его острый ум.

Она тщательно разгладила юбку:

– Мы... знакомые.

Отлично. Да. Хорошее нейтральное слово.

Он подумал, кивнул, и она решила, что в безопасности. Но неожиданно траектория полукивка изменилась, и он замотал головой:

– Нет, это не подходит. Я обычно не трачу столько времени – и уж точно, столько денег – на простых знакомых.

– Компаньоны? – прохрипела Одри, делая глоток шампанского.

– Определенно нет. Это предполагает бизнес. А когда мы вместе, о делах я думаю в последнюю очередь. Именно поэтому я так люблю наши рождественские встречи.

– Тогда кто мы, по-твоему?

Он задумался.

– Наперсники.

Оливер, конечно, многим делился с ней, но они оба знали, что это не было взаимно.

– Как насчет соратников? – парировала она.

Он поморщился:

– Скорее спутники. В буквальном смысле.

Нет. От этого у нее в голове проявлялся слишком живой образ.

– Подельники?

Он рассмеялся, но его глаза оставались серьезными.

– А как насчет родственных душ?

Слова. Скрытый смысл. Это было слишком.

– Почему ты это делаешь? – напряженно прошептала Одри.

– Делаю что?

Что именно это было? Флирт? Давление? Она смотрела на него и надеялась, что ее лицо не было таким же мрачным, как голос.

– Будоражишь.

Он осушил последние капли «Кристалл» из своего бокала.

– Я просто пытаюсь встряхнуть тебя и вытащить из холодного безразличия, с которым ты ведешь этот разговор.

– Я не хотела показаться безразличной. – Или холодной. Хотя это определение в свой адрес она уже слышала от Блейка. Когда он бывал гадким.

– Я знаю, что ты не хочешь, Одри. Это единственная причина, почему я не сержусь на тебя. Это техника выживания.

– Угу... – Она нахмурилась в надежде скрыть от него, что он был на сто процентов прав. – И что я же стараюсь пережить?

– Этот день? – Он посмотрел на нее долгим изучающим взглядом. – Может быть, меня.

– Не обольщайся.

Четыре официанта спустя точно выверенное время прибыли со вторым блюдом морепродуктов, обещающим новые вкусовые впечатления. Двое из них убрали со стола грязные тарелки, а двое других поставили перед ними украшенные переливающимися водорослями деревянные чашечки, внутри которых лежали морские закуски. Одинокая клешня омара, кальмар на слое икры, выложенные веером какие-то мелкие тушеные рыбешки и...

Одри наклонилась, чтобы получше рассмотреть.

– Это криль?

Оливер усмехнулся, и это разрядило напряженность, которая нависла между ними толстым слоем, как пресловутый планктон.

– Не спрашивай. Просто попробуй.

Что бы это ни было, оно было великолепно. Непривычная текстура, но бесподобный вкус. Пока она не добралась до клешни омара.

– Вот это да...

– Здесь они действительно превзошли самих себя.

Все это разнообразие легко запивалось прохладным испанским вином «Вердельо», которое волшебным образом появилось перед каждым из них. Но когда на их стилизованной деревянной посуде не осталось ничего, кроме шелухи от клешни и водорослей, разговор пришлось возобновить из-за отсутствия другого выбора.

– Одри, мы знакомы с тобой целых пять лет. Восемь, если считать с самого начала.

О, если бы она могла вернуться туда, в прошлое. Многие бы сделала по-другому...

– И я всегда вел себя с тобой подчеркнуто пристойно. Точно знал, где проходит граница, немедленно замирал, едва носки моих ботинок касались этой невидимой линии. Неоднократно убеждал себя в том, что мы только друзья.

Сердце Одри дико забилося.

– Мы и есть друзья.

Он ухватился за это.

– Так, значит, теперь мы *все-таки* друзья? Определись.

Она не могла не заметить разочарование в его интонации.

– Я не понимаю, чего ты от меня хочешь, Оливер.

– Нет, понимаешь. – Он снова подался вперед, напоминая хищника. – Но ты это отрицаешь.

– Отрицаю что?

– Кто мы друг другу на самом деле.

Они никем не могли быть. Это было просто невозможно.

– Здесь нет никакой загадки. Ты был шафером на моей свадьбе. Близким другом моего мужа.

– Я перестал быть другом Блейка три года назад, Одри.

Это признание ошеломило ее – рот беззвучно открылся и закрылся в знак протеста. Она знала, что между ними что-то пошло не так, но... столько лет назад?

Она подняла упаковку «M&M's»:

– Так давно?

– Дружба меняется. Люди меняются, – ответил Оливер.

– Почему ты не сказал мне? – прошептала она. *И почему Блейк не сказал?* Он знал, что она виделась с Оливером каждый раз, когда отправлялась в Гонконг. Какого черта ее муж не попросил ее не ездить туда?

Оливер глубоко вздохнул:

– Я не говорил тебе, потому что иначе ты бы перестала прилетать.

Только тихое журчание разговора, звон серебряных приборов по тарелкам и гул стрекоз нарушали невыносимо долгое, мучительное молчание. Два официанта материализовались позади них, ненавязчиво убрали деревянную посуду и остатки шелухи и поставили на их место сорбет для нейтрализации вкуса. Затем Одри и Оливер снова остались одни.

– Значит, мои слова сегодня не стали бы сюрпризом, – осторожно начала она. – Ты знал, что я собиралась завершить это.

– Это не значит, что я собираюсь вежливо согласиться и

позволю тебе уйти.

Чувство безысходности овладело ею.

– Почему, Оливер?

Он переместил сигару в правый угол рта:

– Потому что я не хочу. Потому что мне нравятся наши встречи. Потому что мне нравится, какие чувства они во мне вызывают. И потому что мне кажется, ты просто обманываешь себя, раз не признаешь, что испытываешь то же самое.

Тяжелая правда повисла в воздухе, и от нее невозможно было отмахнуться.

В отчаянии Одри подхватила ложечкой наполовину растаявший сорбет, и его ледяной вкус немного освежил ее. Оливер переживал ее очевидную уловку.

– Я...

Господи, это было разумно? Разве она не могла просто солгать и отделаться от этого? Но Оливер смотрел на нее своим пронизательным взглядом, и не имело значения, что он видел ее только десять часов в год – он понимал ее лучше, чем она сама.

– Мне нравится видеться с тобой, – вздохнула она. – Ты знаешь, это правда.

– Так зачем прекращать это?

– Что скажут люди?

Видимо, она впервые удивила его, судя по незнакомому выражению, появившемуся на его лице.

– Какие люди?

– Любые.

– Они скажут, что два друга встретились на обед. Это просто обед, Одри. Один раз в год. На Рождество.

– Как будто людям, из-за которых я беспокоюсь, не все равно, какое это время года.

– Какая тебе разница, что они скажут? Ведь мы знаем правду.

Она выдохнула, пропустив воздух между губ.

– Тебе, может, и наплевать на репутацию, но для меня она кое-что значит.

Оливер покачал головой:

– Что изменилось по сравнению с прошлыми годами? Мы встречались и просто проводили день вместе. Я не вижу разницы.

– Разница в том, что Блейка больше нет. Он был оправданием для наших встреч.

Он делал их законными.

Теперь это было просто... опасно.

– Большинство женщин беспокоились бы, что *именно это* станет поводом для сплетен. Замужняя женщина летит на другой конец света, чтобы повидаться с мужчиной, который не является ее мужем. Но ты не переживала об этом, пока не потеряла Блейка, – почему ты беспокоишься теперь?

– Потому что сейчас я...

Она замялась, и он наклонился ближе, чтобы заглянуть ей в лицо.

– Что? Единственное, что изменилось в наших отношениях, – это твое семейное положение.

Она вздрогнула, прочитав по его глазам, что он все понял.

– Так в этом причина, Одри? Ты волнуешься, потому что ты сейчас одна?

– Как это будет выглядеть со стороны?

– Ты вдова. Никого не волнует, что ты делаешь и с кем встречаешься. Тут нет и намека на скандал. Или ты больше озабочена тем, как к этому отнесусь я?

Ее пульс стучал уже где-то в горле.

– Я не хочу произвести неправильное впечатление.

– Что же это за впечатление? – спросил он вкрадчивым тоном.

– Что я здесь, потому что... Что мы...

Оливер откинулся на плюшевую спинку дивана, сигара безвольно свешивалась из рта.

– Что ты клеишься ко мне?

– Что я предлагаю себя.

Эмоции, мелькавшие на его лице, напоминали классическое слайд-шоу, которое наконец остановилось на выражении сильного недоверия.

– Это обед, Одри. Не любовная прелюдия. Серьезно, ну что самое худшее могло бы случиться? Если я вдруг начну приставать, тебе достаточно сказать «нет».

Ее губы сжались еще сильнее.

– Было бы неловко, – выдавила она из себя.

Метрдотель обернулся на его фыркание.

– В то время как этот разговор одно сплошное удовольствие.

– Я не думаю, что твой сарказм уместен, Оливер.

– В самом деле? Ты считаешь, что я поставлю себя в такое глупое положение? – Неверие отразилось на его лице. – Мне просто любопытно. Ты считаешь меня озабоченным и отчаявшимся, – его шепот мог бы разрезать стекло, – или себя – такой желанной и обольстительной?

Боль пронзила ее насквозь: он жестоко напомнил ей, что просто не мог ее желать.

– Перестань...

Но он разошелся:

– А может, все было бы вообще по-другому. Знаешь, меня считают настоящим соблазнителем. В твоем сумасшедшем взгляде на мир нет места мысли, что я могу сделать одно движение, и ты будешь просто не в состоянии отказать? Или не захочешь?

Он никак не мог не заметить внезапную бледность ее лица. Кровь отлила от него в один миг, как если бы все шестьдесят этажей под ними внезапно испарились.

Оливер молчал.

Глупый, слепой, неотесанный мужик.

Одри встала и повернулась к стрекозам – ее руки были сплетены на животе, словно в попытке унять резкую боль. Потом она поднесла ладони к своему мертвенно-бледному

лицу. Другие гости продолжали ужинать, не обращая внимания на агонию внутри ее грудной клетки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.